

ПРЕСТУПНИЦА АЛИСА

Я обещал Алисе: «Кончишь второй класс — возьму тебя с собой в летнюю экспедицию. Полетим на корабле «Пегас» собирать редких животных для нашего зоопарка». Я сказал об этом ещё зимой, сразу после Нового года. И заодно поставил несколько условий: хорошо учиться, не делать глупостей и не заниматься авантюрами.

Алиса честно выполняла условия, и, казалось, ничто не угрожало нашим планам. Но в мае, за месяц до отлёта, случилось происшествие, которое чуть было всё не испортило.

В тот день я работал дома, писал статью для «Вестника космозоологии». Сквозь открытую дверь кабинета я увидел, что Алиса пришла из школы мрачная, бросила с размаху на стол сумку с диктофоном и микрофильмами, от обеда отказалась и вместо любимой в последние месяцы книги «Звери дальних планет» взялась за «Трёх мушкетёров».

— У тебя неприятности? — спросил я.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — С чего ты взял?

— Так, показалось.

Алиса подумала немного, отложила книгу и спросила:

— Пап, а у тебя нет случайно золотого самородка?

— А большой тебе нужен самородок?

— Килограмма в полтора.

— Нет.

— А поменьше?

— Честно говоря, и поменьше нет. Никакого нет у меня самородка. Зачем он мне?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Просто мне понадобился самородок.

Я вышел из кабинета, сел с ней рядом на диван и сказал:

— Рассказывай, что там у тебя произошло.

— Ничего особенного. Просто нужен самородок.

— А если совсем откровенно?

Алиса глубоко вздохнула, поглядела в окно, наконец решилась:

— Пап, я преступница.

— Преступница?

— Я совершила ограбление, и теперь меня, наверно, выгонят из школы.

— Жалко, — сказал я. — Ну, продолжай. Надеюсь, что всё не так страшно, как кажется с первого взгляда.

— В общем, мы с Алёшей Наумовым решили поймать щуку-гиганта. Она живёт в Икшинском водохранилище и пожирает мальков. Нам о ней рассказал один рыбак, ты его не знаешь.

— А при чём здесь самородок?

— Для блесны.

— Что?

— Мы в классе обсуждали и решили, что надо щуку ловить на блесну. Простую щуку ловят на простую блесну, а гигантскую щуку надо ловить на особенную блесну. И тогда Лёва Званский сказал про самородок. А у нас в школьном музее есть самородок. Вернее, был самородок. В полтора килограмма весом. Его школе один выпускник подарил. Он его с пояса астероидов привёз.

— И вы украли золотой самородок весом в полтора килограмма?

— Это не совсем так, папа. Мы его взяли взаймы. Лёва Званский сказал, что его отец геолог и он привезёт новый. А пока мы решили сделать блесну из золота. Щука наверняка клюнет на такую блесну.

— А дальше что?

— Дальше ничего особенного. Мальчишки испугались открыть шкаф. И мы тянули жребий. Я бы никогда не стала брать золотой самородок, но жребий упал на меня.

— Пал.

— Что?

— Жребий пал на тебя.

— Ну да, жребий упал на меня, и я не могла отступить перед всеми ребятами. Тем более что этого самородка никто бы и не хватился.

— А потом?

— А потом мы пошли к Алёше Наумову, взяли лазер и распилили этот проклятый самородок. И поехали на Икшинское водохранилище. И щука откусила нашу блесну.

Алиса подумала немного и добавила:

— А может, и не шука. Может быть, коряга. Блесна была очень тяжёлая. Мы искали её и не нашли. Ныряли по очереди.

— И ваше преступление открылось?

— Да, потому что Званский обманщик. Он принёс из дома горсть алмазов и говорит, что золота нет ни кусочка. Мы его отправили с алмазами домой. Нужны нам его алмазы! А тут приходит Елена Александровна и говорит: «Молодёжь, очистите музей, я сейчас сюда первоклашек на экскурсию приведу». Бывают же такие несчастливые совпадения! И всё тут же обнаружилось. Она к директору побежала. «Опасность, — говорит (мы под дверью слушали), — у кого-то пробудилось в крови прошлое!» Алёшка Наумов, правда, сказал, что он всю вину на себя возьмёт, но я не согласилась. Если жребий упал, пусть меня и казнят. Вот и всё.

— И всё? — удивился я. — Так ты созналась?

— Не успела, — сказала Алиса. — Нам срок дали до завтра. Елена сказала, что или завтра самородок будет на месте, или состоится крупный разговор. Значит, завтра нас снимут с соревнований, а может, даже выгонят из школы.

— С каких соревнований?

— Завтра у нас гонки в воздушных пузырях. На первенство школы. А наша команда от класса — как раз Алёшка, я и Еговров. Не может же Еговров один лететь.

— Ты забыла ещё об одном осложнении, — сказал я.

— О каком? — спросила Алиса таким голосом, будто догадывалась.

— Ты нарушила наш договор.

— Нарушила, — согласилась Алиса. — Но я надеялась, что нарушение не очень сильное.

— Да? Украсить самородок весом в полтора кило, распилить его на блесны, утопить в Икшинском водохранилище и даже не сознаться! Боюсь, что придётся тебе остаться, «Пегас» уйдёт без тебя.

— Ой, папа! — сказала Алиса тихо. — Что же теперь делать будем?

— Думай, — сказал я и вернулся в кабинет дописывать статью.

Но писалось плохо. Очень уж чепуховая история получалась. Как маленькие детки! Распилили музейный экспонат.

Через час я выглянул из кабинета. Алисы не было. Куда-то убежала. Тогда я позвонил в Минералогический музей Фридману, с которым я когда-то встречался на Памире.

На экране видеофона появилось круглое лицо с чёрными усами.

— Лёня, — сказал я, — у тебя нет в запасниках лишнего самородка весом килограмма в полтора?

— Есть и в пять килограммов. А зачем тебе? Для работы?

— Нет, дома нужно.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответил Лёня, закручивая усы. — Они ведь все оприходованы.

— Мне какой-нибудь самый заваливающий, — сказал я. — Дочке в школе понадобился.

— Алисе?

— Алисе.

— Тогда знаешь что, — сказал Фридман, — я тебе дам самородок. Вернее, не тебе, а Алисе. Но ты мне заплатишь добром за добро.

— С удовольствием.

— Дай на один день синебарса.

— Что?

— Синебарса. У нас мыши завелись.

— В камнях?

— Не знаю уж, чем они питаются, но завелись. И кошки не боятся. И мышеловку игнорируют. А от запаха и вида синебарса мыши, как всем известно, убегают со всех ног куда глаза глядят.

Что мне было делать? Синебарс — животное редкое, и мне самому придётся ехать с ним в музей и там смотреть, чтобы синебарс кого-нибудь не искусал.

— Ладно, — сказал я. — Только пришли самородок к завтрашнему утру, по пневмопочте.

Я отключил видефон, и тут же прозвучал звонок в дверь. Я открыл. За дверью стоял маленький мальчик в оранжевом костюме венериканского разведчика, с эмблемой первопроходчика Сирианской системы на рукаве.

— Простите, — сказал мальчик. — Вы Алисин отец?

— Я.

— Здравствуйте. Моя фамилия Еговров. Алиса дома?

— Нет. Ушла куда-то.

— Жаль. Вам можно доверять?

— Мне? Можно.

— Тогда у меня к вам мужской разговор.

— Как космонавт с космонавтом?

— Не смейтесь, — покраснел Еговров. —
Со временем я буду носить этот костюм по праву.

— Не сомневаюсь, — сказал я. — Так что за мужской разговор?

— Нам с Алисой выступить на соревнованиях, но тут случилось одно обстоятельство, из-за которого её могут с соревнований снять. В общем, ей надо вернуть в школу одну потерянную вещь. Я вам её даю, но никому ни слова. Ясно?

— Ясно, таинственный незнакомец, — сказал я.

— Держите.

Он протянул мне мешочек.

Мешочек был тяжёлый.

— Самородок? — спросил я.

— А вы знаете? Самородок.

— Надеюсь, не краденый?

— Да нет, что вы! Мне его в клубе туристов дали. Ну, до свидания.

Не успел я вернуться в кабинет, как в дверь снова позвонили. За дверью обнаружились две девочки.

— Здравствуйте, — сказали они хором. — Мы из первого класса. Возьмите для Алисы.

Они протянули мне два одинаковых кошелька и убежали. В одном кошельке лежали четыре золотые монеты, старинные монеты из чьей-то коллекции. В другом — три чайные ложки. Ложки оказались, правда, не золотыми, а платиновыми, но догнать девочек я не смог.

Ещё один самородок рука неизвестного доброжелателя подкинула в почтовый ящик. Потом приходил Лёва Званский и пытался всучить мне маленькую шкатулку с алмазами. Потом пришёл один старшекласник и принёс сразу три самородка.

— Я в детстве камни собирал, — сказал он.

Алиса вернулась вечером. От двери она сказала торжественно:

— Пап, не расстраивайся, всё обошлось. Мы с тобой летим в экспедицию.

— Почему такая перемена? — спросил я.

— Потому что я нашла самородок.

Алиса еле вытащила из сумки самородок. По виду в нём было килограммов шесть-семь.

— Я поехала к Полоскову. К нашему капитану. Он всех своих знакомых обзвонил, когда узнал, в чём дело. И ещё накормил меня обедом, так что я не голодная.

Тут Алиса увидела разложенные на столе самородки и прочие золотые вещи, скопившиеся за день в нашем доме.

— Ой-ой-ой! — сказала она. — Наш музей разбогатеет.

— Слушай, преступница, — сказал я тогда, — я бы тебя ни за что не взял в экспедицию, если бы не твои друзья.

— А при чём тут мои друзья?

— Да потому что они вряд ли стали бы бегать по Москве и искать золотые вещи для очень плохого человека.

— Не такой уж я плохой человек, — сказала Алиса без лишней скромности.

Я нахмурился, но в этот момент в стене звякнуло приёмное устройство пневматической почты. Я открыл люк и достал пакет с самородком из Минералогического музея. Фридман выполнил своё обещание.

— Это от меня, — сказал я.

— Вот видишь, — сказала Алиса. — Значит, ты тоже мой друг.

— Получается так, — ответил я. — Но прошу не зазнаваться.

На следующее утро мне пришлось проводить Алису до школы, потому что общий вес золотого запаса в нашей квартире достиг восемнадцати килограммов. Передавая ей сумку у входа в школу, я сказал:

— Совсем забыл о наказании.

— О каком?

— Придётся тебе в воскресенье взять из зоопарка синеварса и пойти с ним в Минералогический музей.

— С синеварсом — в музей? Он же глупый.

— Да, он будет там пугать мышей, а ты посмотришь, чтобы он кого-нибудь ещё не напугал.

— Договорились, — сказала Алиса. — Но в экспедицию мы всё-таки летим.

Глава 2

СОРОК ТРИ ЗАЙЦА

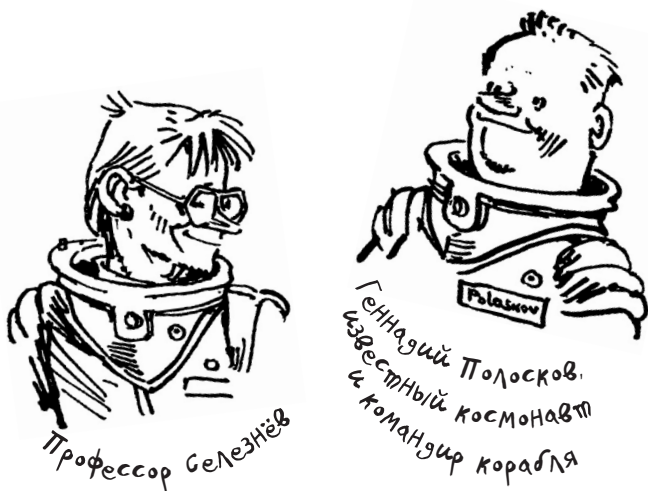
Последние две недели перед отлётом прошли в спешке, волнениях и не всегда необходимой беготне. Алису я почти не видел.

Во-первых, надо было приготовить, перевезти и разместить в «Пегасе» клетки, ловушки, ультразвуковые приманки, капканы, сети, силовые установки и ещё тысячу вещей, которые нужны для ловли зверей. Во-вторых, надо было запастись лекарствами, продуктами, фильмами, чистой плёнкой, аппаратами, диктофонами, софитами, микроскопами, гербарными папками, записными книжками, резиновыми сапогами, счётно-вычислительными машинами, зонтиками от солнца и дождя, лимонадом, плащами, панاماми, сухим мороженым, автолётками и ещё миллионом вещей, которые могут понадобиться, а могут и не понадобиться в экспедиции. В-третьих, раз уж мы по дороге будем опускаться на научных базах, станциях и разных планетах, надо взять с собой грузы и посылки: апельсины для астрономов на Марсе, селёдку в банках для разведчиков Малого Арктура, вишнёвый сок, тушь и резиновый клей для археологов в системе 2-БЦ, парчовые халаты и электрокардиографы для жителей планеты Фикс, гарнитур орехового дерева, выигранный жителем планеты Самора в викторине «Знаете ли вы Солнечную систему?», айвовое варенье (витаминизированное) для лабуцильцев и ещё множество подарков и посылок, которые нам приносили до последней минуты бабушки, дедушки, братья, сёстры, отцы, матери, дети и внуки тех людей и инопланетчиков, с которыми нам придётся увидеться. В конце концов наш «Пегас» стал похож на Ноев ковчег, на плавающую ярмарку, на магазин «Универсам» и даже на склад торговой базы.

Я похудел за две недели на шесть килограммов, а капитан «Пегаса», известный космонавт Полосков, постарел на шесть лет.

Так как «Пегас» — небольшое судно, то и экипаж на нём маленький. На Земле и других планетах команду экспедицией я, профессор Селезнёв из Московского зоопарка. То, что я профессор, совсем не значит, что я уже старый, седой и важный человек. Так получилось, что я с детства люблю всяких животных и никогда не менял их на камни, марки, радиоприёмники и другие интересные вещи. Когда мне было десять лет, я пришёл в кружок юннатов в зоопарке, потом окончил школу и пошёл в университет учиться на биолога. А пока учился, продолжал каждый свободный день проводить в зоопарке и биологических лабораториях. Когда я окончил университет, то я знал о животных столько, что смог написать о них свою первую книжку. В то время ещё не было скоростных кораблей, которые летают в любой конец Галактики, и потому было мало космических зоологов. С тех пор прошло двадцать лет, и космических зоологов стало очень много. Но я оказался одним из первых. Я облетел множество планет и звёзд и незаметно для себя самого стал профессором.

Когда «Пегас» отрывается от твёрдой земли, то хозяином на нём и главным начальником над всеми нами становится Геннадий Полосков, известный космонавт и командир корабля. Мы с ним встречались и раньше, на далёких планетах и научных базах. Он часто бывает у нас дома и особенно дружит с Алисой.

Полосков совсем не похож на отважного космонавта, и когда он снимает форму капитана-звездолётчика, то его можно принять за воспитателя в детском саду или библиотекаря. Полосков невысокого роста, беленький, молчаливый и очень деликатный. Но, когда он сидит в своём кресле на мостике космического корабля, он меняется — и голос становится другим, и даже лицо приобретает твёрдость и решительность. Полосков никогда не теряет присутствия духа, и его очень уважают в космофлоте. Мне с трудом удалось уговорить его полететь капитаном на «Пегасе», потому что Джек О'Кониола уговаривал его принять новый пассажирский лайнер на линии Земля — Фикс. И если бы не Алиса, никогда бы мне Полоскова не уговорить.

Третий член экипажа «Пегаса» — механик Зелёный. Это мужчина большого роста, с пышной рыжей бородой. Он хороший механик и раз

пять летал с Полосковым на других кораблях. Главное для него удовольствие — копаться в двигателе и что-нибудь чинить в машинном отделении. Это вообще-то отличное качество, но иногда Зелёный увлекается, и тогда какая-нибудь очень важная машина или прибор оказываются разобранными именно в тот момент, когда они очень нужны. И ещё Зелёный — большой пессимист. Он думает, что «это» добром не кончится. Что «это»? Да всё. Например, он прочитал в какой-то старинной книге, что один купец порезался бритвой и умер от заражения крови. Хотя теперь на всей Земле не найти такой бритвы, чтобы порезаться, и все мужчины смазывают утром лицо пастой, вместо того чтобы бриться, он на всякий случай отпустил бороду. Когда мы попадаем на неизвестную планету, он сразу советует нам улететь отсюда, потому что зверей здесь всё равно нет, а если есть, то такие, что зоопарку не нужны, а если нужны, то нам всё равно их не довести до Земли, и так далее. Но мы все привыкли к Зелёному и на его воркотню внимания не обращаем. А он на нас не обижается.

Четвёртым членом нашего экипажа, если не считать кухонного робота, который вечно ломается, и вездеходов-автоматов, была Алиса. Она, как известно, моя дочь, окончила второй класс, с ней всегда что-нибудь случается, но все её приключения пока кончались благополучно. Алиса

полезный в экспедиции человек — она умеет ухаживать за зверями и почти ничего не боится.

Ночью перед отлётом я спал плохо: мне казалось, что кто-то ходит по дому и хлопает дверями. Когда я встал, Алиса была уже одета, как будто и не ложилась спать. Мы спустились к автолёту. Вещей с нами не было, если не считать моей чёрной папки и Алисиной сумки через плечо, к которой были привязаны ласты и гарпун для подводной охоты. Утро было холодное, зябкое и свежее. Метеорологи обещали дать дождь после обеда, но, как всегда, немного ошиблись, и их дождь вылился ещё ночью. На улицах было пусто, мы попрощались с нашими родными и обещали писать письма со всех планет.

Автолёт не спеша поднялся над улицей и легко полетел к западу, к космодрому. Я передал управление Алисе, а сам вынул длинные списки, тысячу раз исправленные и перечёркнутые, и принялся их изучать, потому что капитан Полосков поклялся мне, что, если не выкинуть по крайней мере три тонны груза, мы никогда не сможем оторваться от Земли.

Я не заметил, как мы долетели до космодрома. Алиса была сосредоточенна и как будто о чём-то не переставая думала. Она так отвлеклась, что опустила автолёт у чужого корабля, который грузил поросят на Венеру.

При виде опускающейся с неба машины поросята прыснули в разные стороны, сопровождавшие их роботы бросились ловить беглецов, а начальник погрузки изругал меня за то, что я доверяю посадку маленькому ребёнку.

— Она не такая маленькая, — ответил я начальнику. — Она второй класс окончила.

— Тем более стыдно, — сказал начальник, прижимая к груди только что пойманного поросёнка. — Мы их теперь до вечера не соберём!

Я поглядел на Алису укоризненно, взял руль и перегнал машину к белому «Пегасу». «Пегас» в дни своей корабельной молодости был скоростным почтовым судном. Потом, когда появились корабли быстрее и вместительнее, «Пегас» переделали для экспедиций. В нём были вместительные трюмы, и он уже послужил и геологам и археологам, а теперь пригодился и зоопарку.

Полосков ждал нас, и не успели мы поздороваться, как он спросил:

— Придумали, куда три тонны деть?

— Кое-что придумал, — сказал я.

— Рассказывай!

В этот момент к нам подошла скромная бабушка в синей шали и спросила:

— Вы не возьмёте с собой маленькую посылочку моему сыну на Альдебаран?

— Ну вот, — махнул рукой Полосков, — ещё этого не хватало!

— Совсем маленькую, — сказала бабушка. — Граммов двести, не больше. Вы представляете, каково ему будет не получить никакого подарка ко дню рождения?

Мы не представляли.

— А что в посылке? — спросил деликатный Полосков, сдаваясь на милость победительницы.

— Ничего особенного. Тортик. Коля так любит тортики! И стереоплёночка, на которой

изображено, как его сынок, а мой внучек учиться ходить.

— Тащите, — сказал мрачно Полосков.

Я посмотрел, где Алиса. Алиса куда-то пропала. Над космодромом вставало солнце, и длинная тень от «Пегаса» достигла здания космопорта.

— Слушай, — сказал я Полоскову, — мы перегоним часть груза на Луну на рейсовом корабле. А с Луны будет легче стартовать.

— Я тоже так думал, — сказал Полосков. — На всякий случай снимем четыре тонны, чтобы был запас.

— Куда посылочку передать? — спросила бабушка.

— Робот на входе примет, — сказал Полосков, и мы с ним стали проверять, что выгрузить до Луны.

Краем глаза я посматривал, куда делась Алиса, и потому обратил внимание и на бабушку с посылочкой. Бабушка стояла в тени корабля и тихо спорила с роботом-погрузчиком. За бабушкой возвышалась сильно перегруженная автотележка.

— Полосков, — сказал я, — обрати внимание.

— Ой, — сказал отважный капитан. — Я этого не переживу!

Тигриным прыжком он подскочил к бабушке.

— Что это?! — громовым голосом произнёс он.

— Посылочка, — сказала бабушка робко.

— Тортик?

— Тортик. — Бабушка уже оправилась от испуга.

— Такой большой?

— Простите, капитан, — сказала бабушка строго. — Вы что, хотите, чтобы мой сын в одиночестве ел присланный мной тортик, не поделившись со своими ста тридцатью товарищами по работе? Вы этого хотите?

— Я ничего больше не хочу! — сказал загнанный Полосков. — Я остаюсь дома и никуда не лечу. Ясно? Я никуда не лечу!

Бой с бабушкой продолжался полчаса и кончился победой Полоскова. Тем временем я прошёл в корабль и приказал роботам снять с борта апельсины и гарнитур орехового дерева.

Алису я встретил в дальнем переходе грузового трюма и очень удивился встрече.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

Алиса спрятала за спину связку бубликов и ответила:

— Знакомлюсь с кораблём.

— Иди в каюту, — сказал я. И поспешил дальше.

Наконец к двенадцати часам мы закончили перегрузку. Всё было готово. Мы ещё раз проверили с Полосковым вес груза — получился резерв в двести килограммов, так что можно было спокойно подниматься в космос.

Полосков вызвал по внутренней связи механика Зелёного. Механик сидел у пульта управления, расчёсывал свою рыжую бороду. Полосков наклонился к самому экрану видеофона и спросил:

— Можем стартовать?

— В любой момент, — сказал Зелёный. — Хотя погода мне не нравится.

— Диспетчерская, — сказал Полосков в микрофон, — «Пегас» просит взлёт.

— Одну минуточку, — ответил диспетчер. — У вас нет свободного места?

— Ни одного, — твёрдо сказал Полосков. — Мы пассажиров не берём.

— Но, может, хоть человек пять возьмёте? — сказал диспетчер.

— А зачем? Неужели нет рейсовых кораблей?

— Все перегружены.

— Почему?

— Неужели вы не знаете? На Луне сегодня футбольный матч на кубок Галактического сектора: Земля — планета Фикс.

— А почему на Луне? — удивился Полосков, который не интересовался футболом и вообще за дни подготовки к полёту отстал от действительности.

— Наивный человек! — сказал диспетчер. — Как же фиксианцы будут играть при земной тяжести? Им и на Луне нелегко придётся.

— Значит, мы их обыграем? — спросил Полосков.

— Сомневаюсь, — ответил диспетчер. — Они переманили с Марса трёх защитников и Симона Брауна.

— Мне бы ваши заботы, — сказал Полосков. — Когда даёте взлёт?

— И всё-таки мы победим, — вмешалась в разговор Алиса, которая незаметно проникла на мостик.

— Правильно, девочка, — обрадовался диспетчер. — Может, возьмёте болельщиков? Чтобы отправить всех желающих, мне нужно восемь кораблей. Не представляю, что делать. А заявки всё поступают.

— Нет, — отрезал Полосков.

— Ну, дело ваше. Заводите двигатели.

Полосков переключился на машинное отделение.

— Зелёный, — сказал он, — включай планетарные. Только помаленьку. Проверим, нет ли перегрузки.

— Откуда быть перегрузке? — возмутился я. — Мы же всё пересчитали.

Корабль чуть задрожал, набирая мощность.

— Пять-четыре-три-два-один — пуск, — сказал капитан.

Корабль вздрогнул и остался на месте.

— Что случилось? — спросил Полосков.

— Что у вас случилось? — спросил диспетчер, который наблюдал за нашим стартом.

— Не идёт, — сказал Зелёный. — Я же говорил: ничего хорошего из этого не выйдет.

Алиса сидела, пристёгнутая к креслу, и не смотрела в мою сторону.

— Попробуем ещё раз, — сказал Полосков.

— Пробовать не надо, — ответил Зелёный. — Значительная перегрузка. У меня приборы перед глазами.

Полосков попытался ещё раз поднять «Пегас», но корабль стоял на месте как прикованный. Тогда Полосков сказал:

— У нас какие-то ошибки в расчётах.

— Нет, мы проверили на счётной машине, — ответил я. — У нас резерв двести килограммов.

— Но что же тогда происходит?

— Придётся выбрасывать груз за борт. Мы не можем терять время. С какого трюма начнём?

— С первого, — сказал я. — Там посылки. Подождём их на Луне.

— Только не с первого, — сказала вдруг Алиса.

— Ну ладно, — ответил я ей машинально. — Тогда начнём с третьего — там клетки и сети.

— Только не с третьего, — сказала Алиса.

— Это ещё что такое? — спросил строго Полосков.

И в этот момент диспетчер снова вышел на связь.

— «Пегас», — сказал он, — на вас поступила жалоба.

— Какая жалоба?

— Включаю справочное бюро.

На экране показался зал ожидания. У справочного бюро толпились люди. Среди них я узнал несколько знакомых лиц. Откуда они мне знакомы?

Женщина, стоявшая ближе всех к справочному бюро, сказала, глядя на меня:

— Стыдно всё-таки. Нельзя так потакать шалостям.

— Каким шалостям? — удивился я.

— Я сказала Алёше: на Луну ты не летишь, у тебя пять троек за четвёртую четверть.

— И я запретила Лёве лететь на этот матч, — поддержала её другая женщина. — Отлично мог бы посмотреть по телевизору.

— Ага, — сказал я медленно. Я узнал наконец людей, которые собрались у справочного бюро: это были родители ребят из Алисиного класса.

— Всё ясно, — сказал Полосков. — И много у нас на борту «зайцев»?

— Я не думала, что у нас перегрузка, — сказала Алиса. — Не могли же ребята пропустить матч века! Что же получается — я погляжу, а они нет?

— И много у нас «зайцев»? — повторил Полосков стальным голосом.

— Наш класс и два параллельных, — сказала тихо Алиса. — Пока папа ночью спал, мы слетелись к космодрому и забрались на корабль.

— Никуда ты не летишь, — сказал я. — Мы не можем брать в экспедицию безответственных людей.

— Папа, я больше не буду! — взмолилась Алиса. — Но пойми же, у меня сильно развито чувство долга!

— Мы разбиться могли из-за твоего чувства долга, — ответил Полосков.

Вообще-то он всё Алисе прощает, но сейчас он очень рассердился.

— Пошли извлекать «зайцев», — добавил он. — Если справимся за полчаса, останешься на корабле. Нет — летим без тебя.

Последнего «зайца» мы извлекли из трюма через двадцать три минуты. Ещё через шесть они все уже стояли, страшно огорчённые и печальные, у корабля, и к ним от здания космодрома бежали мамы, папы и бабушки.

Всего «зайцев» на «Пегасе» оказалось сорок три человека. Я до сих пор не понимаю, как Алисе удалось их разместить на борту, а нам — ни одного из них не заметить.

— Счастливо, Алиса! — крикнул снизу Алёша Наумов, когда мы наконец поднялись к люку. — Поболей за нас! И возвращайся скорее!

— Земля победит!.. — ответила ему Алиса. — Нехорошо получилось, — сказала она мне, когда мы уже поднялись над Землёй и взяли курс к Луне.

— Нехорошо, — согласился я. — Мне за тебя стыдно.

— Я не о том, — сказала Алиса. — Ведь третий «Б» улетел в полном составе ещё ночью в мешках из-под картошки на грузовой барже. Они-то будут на стадионе, а наши вторые классы — нет. Я не оправдала доверия товарищей.

— А куда картошку из мешков дели? — спросил, удивившись, Полосков.

— Не знаю, — сказала Алиса. Подумала и добавила: — Какими глазами я буду смотреть на стадионе на третий «Б»? Просто ужас!

Глава 3

ТЫ СЛЫШАЛ О ТРЁХ КАПИТАНАХ?

Когда «Пегас» опустился на лунном космодроме, я спросил у своих спутников:

— Какие у кого планы? Вылетаем завтра в шесть ноль-ноль.

Капитан Полосков сказал, что он остаётся на корабле готовить его к отлёту. Механик Зелёный попросил разрешения сходить на футбол.

Алиса тоже сказала, что пойдёт на футбол, хотя и без всякого удовольствия.

— Почему? — спросил я.

— Разве ты забыл? На стадионе будет весь третий «Б», а из вторых классов только я одна. Ты во всём виноват.

— Я?

— А кто же высадил с «Пегаса» моих ребят?

— Мы же не могли подняться! Да и что бы сказали обо мне их родители? Вдруг что-нибудь случится?

— Где? — возмутилась Алиса. — В Солнечной системе? В конце двадцать первого века?

Когда Алиса с Зелёным ушли, я решил в последний раз выпить чашечку кофе в настоящем ресторане и пошёл в «Селену».

Громадный зал ресторана был почти полон. Я остановился неподалёку от входа, отыскивая место, и услышал знакомый громовой голос:

— Кого я вижу!

За дальним столом восседал мой давнишний приятель Громозека. Я не виделся с ним лет пять, но ни на минуту о нём не забывал. Когда-то мы были очень дружны, а началось наше знакомство с того, что мне удалось спасти Громозеку в джунглях Эвридики. Громозека отбился от археологической партии, заблудился в лесу и чуть не попал в зубы Малому дракончику — злобной твари в шестнадцать метров длиной.

При виде меня Громозека спустил на пол свёрнутые для удобства щупальца, в очаровательной улыбке разинул свою полуметровую пасть, дружески потянулся мне навстречу острыми когтищами и, набирая скорость, ринулся в мою сторону.

Какой-то турист, никогда раньше не видевший обитателей планеты Чумароз, взвизгнул и упал в обморок. Но Громозека на него не обиделся. Он крепко обхватил меня щупальцами и прижал к острым пластинкам на своей груди.

— Старина! — ревел он, как лев. — Сколько лет, сколько зим! Я уж собрался лететь в Москву, чтобы тебя повидать, и вдруг — глазам своим не верю... Какими судьбами?

— Едем в экспедицию, — сказал я. — В свободный поиск по Галактике.

— Это замечательно! — сказал с чувством Громозека. — Я счастлив, что тебе удалось преодолеть козни зложелателей и уехать в экспедицию.

— Но у меня нет зложелателей.

— Ты меня не обманешь, — сказал Громозека, трясая укоризненно перед моим носом острыми загнутыми когтями.

Я не стал возражать, потому что знал, как мнителен мой друг.

— Садись! — приказал Громозека. — Робот, бутылку грузинского вина для моего лучшего друга и три литра валерьянки для меня лично.

— Слушаюсь, — ответил робот-официант и укатил на кухню выполнять заказ.

— Как жизнь? — допрашивал меня Громозека. — Как жена? Как дочка? Уже научилась ходить?

— В школе учится, — сказал я. — Второй класс окончила.

— Великолепно! — воскликнул Громозека. — Как быстро бежит время...

Тут моего друга посетила печальная мысль, и, будучи очень впечатлительной особой, Громозека оглушительно застонал, и дымящиеся едкие слёзы покатались из восьми глаз.

— Что с тобой? — встревожился я.

— Ты только подумай, как быстро течёт время! — произнёс Громозека сквозь слёзы. — Дети растут, а мы с тобой стареем.

Он, расчувствовавшись, выпустил из ноздрей четыре струи едкого жёлтого дыма,

окутавшего ресторан, но тут же взял себя в руки и объявил:

— Извините меня, благородные посетители ресторана, я постараюсь больше не причинять вам неприятностей.

Дым струился между столиками, люди кашляли, и некоторые даже ушли из зала.

— Пойдём и мы, — сказал я, задыхаясь, — а то ты ещё что-нибудь натворишь.

— Ты прав, — покорно согласился Громозека.

Мы вышли в холл, где Громозека занял целый диван, а я притулился рядом с ним на стуле. Робот принёс нам вино и валерьянку, бокал для меня и литровую банку для чумарозца.

— Ты где сейчас работаешь? — спросил я Громозеку.

— Будем копать мёртвый город на Колеиде, — ответил он. — Сюда прилетел за инфракрасными детекторами.

— Интересный город на Колеиде? — спросил я.

— Может быть, интересный, — ответил осторожно Громозека, который был страшно суеверен. Чтобы не сглазить, он провёл четыре раза хвостом у правого глаза и сказал шёпотом: — Баскури-барипарата.

— Когда начинаете? — спросил я.

— Недели через две стартуем с Меркурия. Там наша временная база.

— Странное, неподходящее место, — сказал я. — Половина планеты раскалена, половина — ледяная пустыня.

— Ничего удивительного, — сказал Громозека и снова потянулся за валерьянкой. — Мы там в прошлом году отыскивали остатки корабля Полуночных скитальцев. Вот и работали. Да что я всё о себе да о себе! Ты мне лучше о своём маршруте расскажи.

— Я знаю о нём только приблизительно, — ответил я. — Мы облетим сначала несколько баз по соседству с Солнечной системой, а потом уйдём в свободный поиск. Времени много — три месяца, корабль вместительный.

— На Эвридику не собираешься? — спросил Громозека.

— Нет. Малый дракончик уже есть в Московском зоопарке, а Большого дракончика, к сожалению, ещё никто не смог поймать.

— Даже если бы ты его поймал, — сказал Громозека, — всё равно на твоём корабле увезти его нельзя.

Я согласился, что Большого дракончика на «Пегасе» не увезёшь. Хотя бы потому, что его дневной рацион — четыре тонны мяса и бананов.

Мы помолчали немного. Приятно сидеть со старым другом, никуда не спешить. Старушка-туристка в лиловом парике, украшенном восковыми цветами, подошла к нам и робко протянула блокнот.

— Не откажетесь ли, — попросила она, — написать мне автограф на память о случайной встрече?

— Почему бы и нет? — сказал Громозека, протянув когтистое щупальце за блокнотом.

Старушка зажмурилась в ужасе, и её тонкая ручка задрожала.

Громозека раскрыл блокнот и на чистой странице размашисто написал:

*«Прекрасной юной землянке от верного поклонника с туманной планеты Чумароз.
Ресторан «Селена». 3 марта».*

— Спасибо, — прошептала старушка и отступила мелкими шажками.

— Я хорошо написал? — спросил меня Громозека. — Трогательно?

— Трогательно, — согласился я. — Только не совсем точно.

— А что?

— Это совсем не юная землянка, а пожилая женщина. И вообще — землянкой раньше называли первобытное жильё, выкопанное в земле.

— Ой, какой позор! — расстроился Громозека. — Но ведь у неё цветочки на шляпе. Сейчас же догоню её и перепишу автограф.

— Не стоит, друг, — остановил я его. — Ты её только перепугаешь.

— Да, тяжело бремя славы, — сказал Громозека. — Но приятно сознавать, что крупнейшего археолога Чумароза узнают даже на далёкой земной Луне.

Я не стал разубеждать друга. Я подозревал, что старушка никогда в жизни не встречалась ни с одним из космоархеологов. Просто её поразили облик моего друга.

— Слушай, — сказал Громозека, — меня посетила идея. Я тебе помогу.

— Как?

— Ты слышал о планете имени Трёх Капитанов?

— Где-то читал, но не помню, где и почему.

— Тогда замечательно.

Громозека наклонился ближе, положил мне на плечо тяжёлое, горячее щупальце, расправил блестящие пластинки на круглом, словно небольшой воздушный шар, животе и начал:

— В секторе 19-4 есть небольшая необитаемая планета. Раньше у неё даже названия не было — только цифровой код. Теперь космонавты зовут её планетой имени Трёх Капитанов. А почему так? Там на ровном каменном плато возвышаются три статуи. Поставлены они в честь трёх космических капитанов. Это были великие исследователи и отважные люди. Один из них был родом с Земли, второй — с Марса, а третий капитан родился на Фиксе. Рука об руку эти капитаны проходили созвездия, снижались на планетах, на которых снизиться невозможно, спасали целые миры, которым грозила опасность. Это они первыми одолели джунгли Эвридики, и один из них подстрелил Большого дракончика. Это они отыскивали и уничтожили гнездо космических пиратов, хотя пиратов было вдесятеро больше. Это они опустили в метановую атмосферу Голгофы и отыскивали там философский камень, потерянный конвоем Курсака. Это они взорвали ядовитый вулкан, грозивший истребить население

целой планеты. Об их подвигах можно говорить две недели подряд...

— Теперь я вспомнил, — прервал я Громозеку. — Конечно, я слышал о трёх капитанах.

— То-то, — проворчал Громозека и выпил стакан валерьянки. — Быстро мы забываем героев. Стыдно. — Громозека укоризненно покачал мягкой головой и продолжал: — Несколько лет назад пути капитанов разошлись. Первый капитан увлёкся проектом «Венера».

— Как же, знаю, — сказал я. — Так, значит, он — один из тех, кто меняет её орбиту?

— Да. Первый капитан всегда любил грандиозные планы. И когда узнал, что решено перетащить Венеру подальше от Солнца и изменить период её вращения, для того чтобы люди смогли её заселить, он тут же предложил свои услуги проекту. И это славно, потому что учёные решили превратить Венеру в громадный космический корабль, а нет человека в Галактике, который бы лучше первого капитана разбирался в космической технике.

— А остальные капитаны? — спросил я.

— Второй, говорят, погиб неизвестно где и неизвестно когда. Третий капитан полетел в соседнюю галактику и вернётся через несколько лет. Так я хочу сказать, что капитаны встречали множество редких, чудесных зверей и птиц. От них наверняка остались какие-то записки, дневники.

— А где они?

— Дневники хранятся на планете Трёх Капитанов. Рядом с монументами, возведёнными

благородными современниками по подписке, проведённой на восьмидесяти планетах, есть лаборатория и мемориальный центр. Там постоянно живёт доктор Верховцев. Он знает о трёх капитанах больше всех в Галактике. Если заедешь туда — не пожалеешь.

— Спасибо, Громозека, — сказал я. — Может, тебе хватит пить валерьянку? Ты сам мне жаловался, что она плохо влияет на сердце.

— Что делать! — всплеснул щупальцами мой друг. — У меня же три сердца. На какое-то из них валерьянка влияет очень пагубно. Но я никак не могу понять на какое.

Мы ещё целый час вспоминали старых знакомых и приключения, которые нам пришлось пережить вместе.

Вдруг дверь в холл распахнулась, и появилась толпа людей и инопланетчиков. Они несли на руках футболистов сборной Земли. Играла музыка, раздавались весёлые крики.

Из толпы выскочила Алиса.

— Ну что! — крикнула она, увидев меня. — Не помогли фиксианцам варяги с Марса! Три — один. Теперь встреча на нейтральном поле!

— А как же третий «Б»? — спросил я ехидно.

— Их не было, — сказала Алиса. — Я бы их обязательно увидела. Наверно, третий «Б» перехватили и отправили обратно. В мешках из-под картошки. Так им и надо!

— Ты вредный человек, Алиса, — сказал я.

— Нет! — взревел оскорблённо Громозека. — Ты не имеешь права так оскорблять беззащитную девочку! Я не дам её в обиду!

Громозека обхватил Алису щупальцами и поднял к потолку.

— Нет! — повторял он возмущённо. — Твоя дочь — моя дочь. Я не позволю.

— Но я не твоя дочь, — сказала сверху Алиса. Она, к счастью, не очень испугалась.

Но куда сильнее испугался механик Зелёный. Он в тот момент вошёл в холл и вдруг увидел, что Алиса бьётся в щупальцах громадного чудовища. Меня Зелёный даже не заметил. Он бросился к Громозеке, размахивая рыжей бородой, как знаменем, и с разбегу врезался в круглый живот моего друга.

Громозека подхватил Зелёного свободными щупальцами и посадил на люстру. Потом осторожно опустил Алису и спросил меня:

— Я немного погорячился?

— Немного, — ответила за меня Алиса. — Спусти Зелёного на пол.

— Не будет бросаться на археологов, — ответил Громозека. — Не хочу его снимать. Привет, увидимся вечером. Я вспомнил, что мне надо до конца рабочего дня побывать на базовом складе.

И, лукаво подмигнув Алисе, Громозека, пошатываясь, удалился в сторону шлюза. По холлу волнами расходился запах валерьянки.

Зелёного мы сняли с люстры с помощью футбольной команды, а на Громозеку я немного обиделся, потому что мой друг хоть и талантливый учёный и верный товарищ, но плохо воспитан, и его чувство юмора иногда принимает странные формы.

— Так куда летим? — спросила Алиса, когда мы подходили к кораблю.

— Первым делом, — сказал я, — отвезём груз на Марс и разведчикам Малого Арктура. А оттуда — прямым ходом в сектор 19-4, на базу имени Трёх Капитанов.

— Да здравствуют три капитана! — сказала Алиса, хотя она о них никогда раньше не слышала.

ПРОПАЛИ ГОЛОВАСТЫ

Разведчики Малого Арктура встретили «Пегас» очень торжественно. Как только мы опустились на металлический настил посадочной площадки, которая зашаталась под грузом корабля, и в щели между полосами брызнула рыжая гнилая вода, они лихо подкатили к нам на вездеходе.

Из вездехода вышли три добрых молодца в красных кафтанах, надетых поверх скафандров. За ними последовали ещё три космонавта в роскошных сарафанах, также надетых поверх скафандров. Молодцы и молодницы несли хлеб-соль на блюдах. А когда мы сошли на мокрые металлические полосы космодрома, они надели нам на шлемы скафандров венки из местных пышных цветов.

В нашу честь в тесной кают-компании базы разведчиков был приготовлен торжественный ужин. Нас угощали консервированным компотом, консервированной уткой и консервированными бутербродами. Механик Зелёный, который был на «Пегасе» шеф-поваром, тоже не ударил в грязь лицом — он поставил на праздничный стол настоящие яблоки, настоящие взбитые сливки с настоящей смородиной и, главное, самый настоящий чёрный хлеб.

Алиса была главным гостем. Все разведчики — люди взрослые, их дети остались дома — на Марсе, на Земле, на Ганимеди, и они очень

соскучились без настоящих детей. Алиса отвечала на всякие вопросы, честно старалась казаться глупее, чем она есть на самом деле, а когда вернулась на корабль, пожаловалась мне:

— Им так хочется, чтобы я была маленьким несмышлёнышем, что я не стала их огорчать.

На следующий день мы передали разведчикам все грузы и посылки, но, к сожалению, оказалось, что на охоту за местными зверями они нас пригласить не смогут: начинался сезон бурь; все реки и озёра вышли из берегов, и путешествовать по планете было почти невозможно.

— Хотите, мы вам головаста поймаем? — спросил начальник базы.

— Ну, хоть головаста, — согласился я.

Мне приходилось слышать о разных рептилиях Арктура, но с головоастом я ещё не встречался.

Часа через два разведчики принесли большой аквариум, на дне которого дремали метровые головасты, похожие на гигантских саламандр. Потом разведчики втащили по трапу ящик с водорослями.

— Это корм на первое время, — сказали они. — Учтите, головасты очень прожорливы и быстро растут.

— Надо готовить аквариум побольше? — спросил я.

— Лучше даже бассейн, — ответил начальник разведчиков.

Его товарищи между тем втаскивали по трапу ещё один ящик с кормом.

— А как быстро они растут? — спросил я.

— Довольно быстро. Точнее сказать не могу, — ответил начальник разведчиков. — Мы их не держим в неволе.

Он загадочно улыбнулся и заговорил о другом. Я спросил начальника разведчиков:

— Вам не приходилось бывать на планете имени Трёх Капитанов?

— Нет, — ответил он. — Но иногда к нам прилетает доктор Верховцев. Как раз месяц назад он здесь был. И должен вам сказать, он большой чудак.

— А почему?

— Зачем-то ему понадобились чертежи корабля «Синяя чайка».

— Простите, а что в этом странного?

— Это корабль Второго капитана, пропавший без вести четыре года назад.

— А зачем Верховцеву этот корабль?

— Вот именно — зачем? Я об этом его и спросил. Оказывается, он пишет сейчас книгу о подвигах трёх капитанов, документальный роман, и не может продолжать работу, не зная, как устроен этот корабль.

— А разве этот корабль был особенный?

Начальник базы снисходительно улыбнулся.

— Вы, я вижу, не в курсе дела, — сказал он. — Корабли трёх капитанов были сделаны по специальному заказу, а потом ещё перестроены самими капитанами — они ведь были на все руки мастера. Это были удивительные корабли! Приспособленные для всевозможных неожиданностей. Один из них, «Эверест», который

принадлежал Первому капитану, стоит сейчас в Парижском космическом музее.

— Почему же Верховцев не мог запросить Парижский космический музей? — удивился я.

— Так все три корабля были разными! — воскликнул начальник разведчиков. — Капитаны были люди с характером и никогда ничего не делали по два раза.

— Ну ладно, — сказал я, — мы полетим к Верховцеву. Дайте нам, пожалуйста, координаты его базы.

— С удовольствием, — ответил начальник разведчиков. — Передавайте ему наш большой привет. И не забудьте перенести головастов в бассейн.

Мы распрощались с гостеприимными разведчиками и улетели.

Перед тем как лечь спать, я решил осмотреть головастов. Оказалось, что их сходство с саламандрами только внешнее. Они были покрыты твёрдой блестящей чешуёй, у них были большие печальные глаза с длинными ресницами, короткие хвосты раздваивались и заканчивались густыми жёсткими щётками.

Я решил, что перенесу головастов в бассейн с утра — ничего с ними за ночь в аквариуме не случится. Я бросил головастам две охапки водорослей и потушил свет в трюме. Начало было сделано — первые животные для зоопарка уже на борту «Пегаса».

Утром меня разбудила Алиса.

— Пап, — сказала она, — проснись.

— А что случилось?

Я посмотрел на часы. Было ещё только семь утра по корабельному времени.

— Ты чего вскочила ни свет ни заря?

— Захотела поглядеть на головоастов. Ведь их никто ещё на Земле не видел.

— Ну и что? Разве для этого надо будить старика отца? Ты бы лучше включила робота. Пока он готовит завтрак, мы бы не спеша встали.

— Да погоди ты, пап, со своим завтраком! — невежливо перебила меня Алиса. — Я тебе говорю, встань и посмотри на головоастов.

Что-то в её голосе меня встревожило.

Я вскочил с койки и, не одеваясь, побежал в трюм, где стоял аквариум. Зрелище, которое я увидел, было потрясающим. Головасты, хоть это и невероятно, за ночь выросли больше чем вдвое и уже не помещались в аквариуме. Их хвосты высывались наружу и висели почти до самого пола.

— Не может быть! — сказал я. — Срочно надо готовить бассейн.

Я побежал к механику Зелёному и разбудил его:

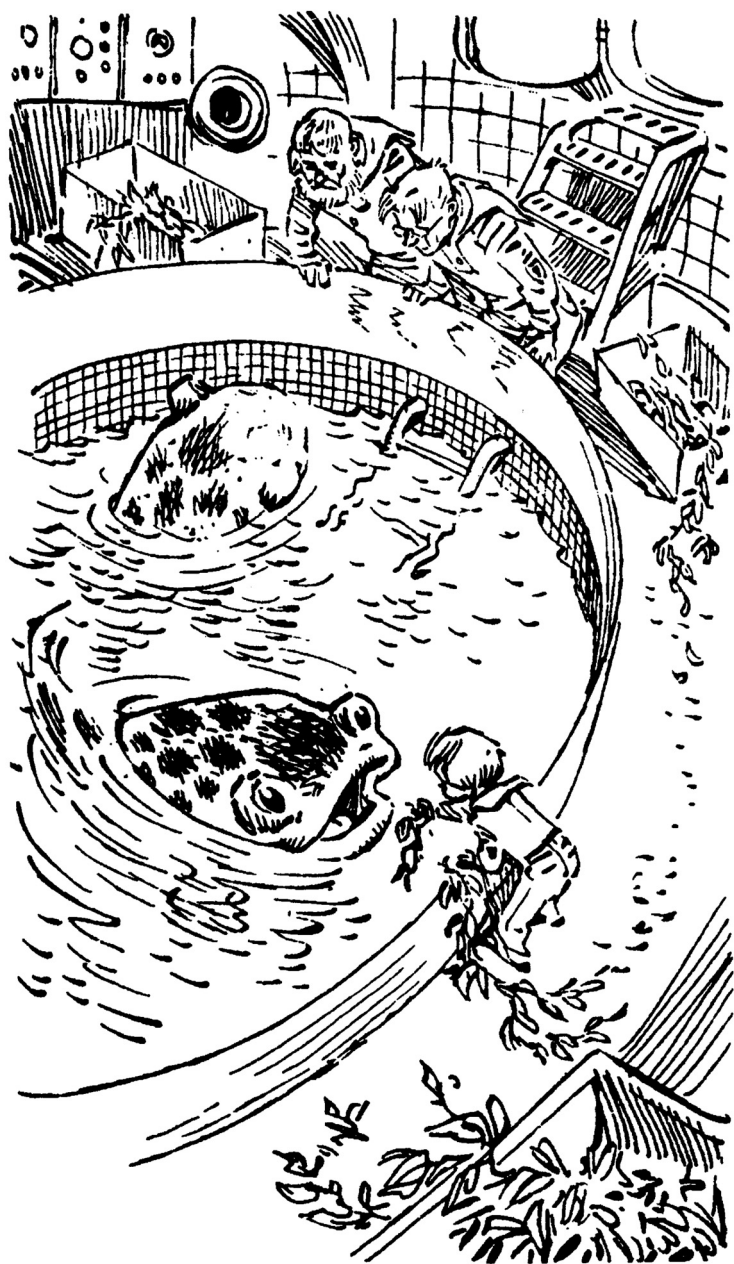
— Помоги, головасты так выросли, что мне их не поднять.

— Я предупреждал, — сказал Зелёный. — Ещё не то будет. И зачем только я согласился работать в бродячем зоопарке? Зачем?

— Не знаю, — сказал я. — Пошли.

Зелёный надел халат и поплёлся, ворча, в трюм. Когда он увидел головоастов, то вцепился себе в бороду и застонал:

— Завтра они весь корабль займут!

Хорошо ещё, что бассейн был заранее наполнен водой. При помощи Зелёного я перетащил головастов. Они оказались совсем не тяжёлыми, но сильно вырывались и выскользывали из рук, так что, когда мы опустили в бассейн третьего, последнего головаста, мы запыхались и вспотели.

Бассейн на «Пегасе» невелик — четыре на три метра и глубина в два метра, — но головастам в нём было привольно. Они начали кружиться по нему, искать пищу. Немудрено, что они проголодались, — ведь эти существа, видно, собирались установить рекорд Галактики по скорости роста.

Пока я кормил головастов — на это ушла половина одного из ящиков с водорослями, — в трюме появился Полосков. Он был уже умыт, побрит и одет по форме.

— Алиса говорит, что у тебя головасты подросли, — сказал он, улыбаясь.

— Да нет, ничего особенного, — ответил я, делая вид, что такие чудеса мне не в диковинку.

Тут Полосков заглянул в бассейн и ахнул.

— Крокодилы! — сказал он. — Настоящие крокодилы! Они же человека проглотить могут.

— Не бойся, — сказал я, — они травоядные. Разведчики бы нас предупредили.

Головасты плавали у поверхности воды и высовывали наружу голодные пасти.

— Опять жрать захотели, — сказал Зелёный. — Скоро за нас примутся.

К обеду головасты достигли длины в два с половиной метра и доели первый ящик с водорослями.